РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА всегда остро ощущала необходимость общественного служения. По сути, это стало частью нашей национальной традиции, идущей из далеких времен российской государственности и так или иначе осмыслявшейся каждым крупным художником от безвестного автора «Слова о полку Игореве» до наших дней. Гражданственность входила в состав русского писательского естества и была в крови у каждого, кто поднимал в России перо. Нет нужды упрощать или идеализировать проблему взаимоотношения государства и литературы, и все же среди крупных русских писателей большинство были государственниками, или, точнее, вектором их развития был путь к утверждению государственности, и дело не в обожествлении государства как такового, а в понимании того факта, что в России с ее огромными пространствами, смешанным этническим и религиозным населением сильное, милосердное государство есть национальная необходимость и, если так можно выразиться, историческая неизбежность. Об этом размышляли и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Тютчев, и Лесков, и Толстой, а в XX веке — Шолохов, Маяковский, Алексей Толстой, Пришвин, Булгаков, Платонов (при всей сложности и даже трагизме, которые связывали по крайней мере последних двух с большевистской властью) и ряд этот может быть продолжен.

Что как не государственное мышление двигало писателями-деревенщиками, защищавшими страну от безумных экологических проектов в 70–80-е годы, спасение Байкала, защита русского крестьянства, вымирающей русской деревни, да и Солженицын с его резкой критикой советского режима руководствовался, прежде всего, интересами страны и ее народа, а вовсе не личной обидой или озлобленностью, каковые ему пытаются иной раз приписать.

Разумная власть это понимала и писателей ценила, находя в них людей внутренне свободных, интересных, способных к нестандартному мышлению и умеющих найти путь к человеческому сердцу. Когда Жуковского звали в учителя царских детей, власть знала, что делает. Когда Достоевского приглашали во дворец читать «Записки из мертвого дома», когда именно под влиянием литературных произведений (например, «Записок охотника» Тургенева) становилось понятно, что крепостное право в России далее невозможно, когда Государь Николай Павлович встречался с Пушкиным и говорил о том, что имел сегодня беседу с умнейшим человеком в России, когда он же, посмотрев «Ревизора» Гоголя, воскликнул: «Всем досталось, а мне более всех» — это были свидетельства огромной общественной роли литературы, которая служила ко благу страны и реально влияла на положение дел в ней.

Именно литература ставила и ставит самый точный диагноз обществу, реагирует на его тревоги, чувствует не только его сознание, но и подсознание, обладая пророческим даром, и именно в литературных произведениях мы можем найти верные предсказания того, что может случиться с обществом. (Классический пример — «Бесы» Достоевского, но и в произведениях литературы позднего советского времени — у Распутина в «Прощании с Матерой», у Айтматова в романе «И дольше века длится день», у Юрия Трифонова в «Московских повестях», у Белова в романе «Все впереди» можно найти причины, по которым рухнула система социализма в стране.)

Поэт, писатель, драматург, литературный критик уже в силу своего уединенного, сосредоточенного, напряженного труда, состоящего в непрерывном размышлении на одну и ту же тему, обдумывании, болении, проникновении в глубь, способен дать наиболее верную и непредвзятую оценку тому, что происходит вокруг, если он честен перед собой. Шукшинский вопрос «что с нами происходит?» так же актуален и постоянен для литературы, как герценовское «мы не врачи, мы боль». Но боль, которая не только криком кричит, но и осознает себя.

Литература — это род аналитики, которым было бы неразумно пренебрегать. Тем более, что как ни была порой горька правда, высказываемая писателями, как бы неудобна она ни была для правителей — это слова, замешанные на любви, а не на ненависти, на сострадании, а не на презрении. Русский писатель, не любящий Россию, не понимающий ее, не сострадающий ей, за редким исключением, немыслим, мы можем спорить о том, что является благом для России, а что нет, какими путями к этому благу идти, но сама Россия для русского писателя есть понятие непреложное независимо от того, каковы у него политические взгляды.

Одна из ключевых причин здесь — язык. В отличие от других видов искусств литература пронизана языком, литература и есть язык, это его бытование, его дом, его поместье, его усадьба, его Михайловское, Ясная Поляна, Тарханы, и невозможно сохранять язык, не заботясь о литературе. Писатель подчиняет себя языку, и чем он выше как писатель, тем больше себя подчиняет, а значит, этот язык в себе несет и точнее других носителей языка отслеживает его изменения, интуитивно ощущает, что можно принять, а что необходимо отвергнуть. Неслучайно все академические словари русского языка ссылаются на примеры из литературы, а если говорить о новейших словарях, то на произведения современных авторов. Тому насилию, которому подвергается язык в сегодняшних СМИ, сегодня могут противостоять только литература и люди, работающие со словом. Язык питает литературу, литература питает язык, одно без другого существовать не может.

Другое предназначение русской литературы — смягчать нравы — сегодня не менее, а может быть, даже более актуально. Оно имеет также отношение к преподаванию литературы в школе, о чем в последнее время часто говорится, но проблема стоит гораздо шире. В жестких условиях информационного общества русская литература, которая всегда давала гораздо большее, чем набор тех или иных сведений, и несла в себе запас милосердия и совестливости, оказалась в нынешней системе образования «неформатом». Фактический отказ от литературы как обязательного предмета, на что не решились пойти даже большевики, был осуществлен нынешними чиновниками образования, и это тот самый случай, когда можно вспомнить известное выражение: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка». Ошибка, которую необходимо срочно исправлять, и голос современных писателей, их мнение необходимы. То, что случилось на наших глазах с русской классикой — беда общества, которое не пользуется тем благом, которое ему даровано и которое оно обязано передать следующим поколениям, как некогда это благо было передано нам. Горьким будет удел

того поколения и того правительства, при котором будет прервана связь времен, хрупкая сегодня, как никогда.

Мы переживаем кризис, связанный с тем, что в духовном смысле человек оказался еще менее свободным, чем при тоталитарной власти, что неизбежно приводит к обезличиванию, уравниловке, утверждению потребительской философии и торжеству низменных инстинктов. Тонкая спасительная пленка культуры, отделяющая человека от зверя, грозит порваться, и это может привести к самым непредсказуемым последствиям. Вопрос культуры сегодня — это вопрос национальной безопасности, стратегический вопрос, дело нашего выживания. И литература как искусство смыслов является в России центром этой культуры. Литература есть противоядие от того культа потребления, цинизма и бездуховности, который сменил в обществе обанкротившийся коммунистический идеал. Вопрос стоит очень жестко: вкладывать деньги или в культуру, или в новые тюрьмы и увеличение числа сотрудников ОМОНа и ФСИНа.

Однако сегодня приходится с горечью признать, что и русская литература, и русские писатели находятся в небрежении. Тот потенциал, который заключают в себе люди, делающие литературу, ныне практически не используется. Если когда-то поэт в России был больше чем поэт, сегодня — меньше. Писатели фактически удалены из общественной жизни. Мы нечасто видим их на телевидении на федеральных каналах или видим одни и те же медийные лица; писатели мало представлены в Общественной палате, в различных общественных советах и политических партиях (последнее, впрочем, на мой взгляд, и хорошо, ибо не дело писателя быть человеком партийным, но все же и оно показательно). Говорят, что сегодня непосредственное влияние литературы на умы читателей уменьшилось по сравнению с советскими временами, но вспомним книгу архимандрита Тихона (Шевкунова), собравшую более чем миллионный тираж и одинаково востребованную как людьми религиозными, так и просто теми, кому интересна жизнь в лицах; «Лев Толстой: бегство из Рая» Павла Басинского, романы Алексея Иванова и Юрия Буйды, Олега Павлова и Владислава Отрошенко, Марины Степновой и Майи Кучерской, Захара Прилепина и Романа Сенчина, Евгения Водолазкина и Ксении Букши — разные тиражи, разные читатели, но кто скажет, что у нас нет литературы. Скорее, повторим пушкинское, мы ленивы и нелюбопытны...

А теперь вопрос: какое все это имеет отношение к Литературному институту? Думаю, что самое прямое. Мы говорим об уникальности нашего вуза, твердим о том, что другого такого нет во всем мире даже не с оценочной точки зрения, а по факту. Мы — единственные. Так это или не так? Ведь в мире существует довольно много того, что на английском языке называется writing workshops. Однако они настроены на бо̀льшую степень «профессионализации», если можно так выразиться. Там вопрос, который и нам часто задают, «можно ли научить писать?» более правомерный, туда приходят люди, которых преимущественно учат писательскому мастерству и ничему больше. Литературный институт задумывался иначе — он возник по инициативе Горького в 30-е годы, когда страна боролась с неграмотностью и стоял вопрос о повышении культурного уровня. Я думаю, что в той или иной степени эта горьковская мысль не исчезла. Литературный институт создает обстоятельства, в которых человек, имеющий талант, может стать писателем. Студенты Литературного института получают очень широкое гуманитарное образование, без которого писателя не бывает. Платонов, Шукшин, Клюев — все они были чрезвычайно образованны. Для пишущего человека образование, которое дают в Литинституте, — правильное, даже необходимое. Кроме того, Литинститут замечателен тем, что он создает литературную среду. Молодому писателю особенно важно оказаться среди людей, больных той же болезнью, что и он. Эта среда заряжает, испытывает, она отсекает лишних. В любом вузе студенты учатся не только у преподавателей, но и друг у друга. В Литературном институте степень участия студенческого компонента в образовании очень велика, особенно для тех, кто живет в общежитии. В Литинституте учат воздух, стены, атмосфера...

Сегодня потребность в тех, кто умеет грамотно, четко и стилистически верно излагать на бумаге свои мысли, очень высока, но таких людей мало где готовят. Сейчас, когда мы скатываемся в систему тестирования, плюсиков и минусиков, правильного заполнения граф, людей, которые могут выйти за границы этих граф и связно изложить свои мысли, становится все меньше. В самом широком смысле Литинститут готовит специалистов, умеющих выражать свои мысли хорошим русским языком устно и письменно. Выражены эти мысли могут быть в разных жанрах — художественная проза, документальная проза, публицистика, журналистика. Так или иначе, главной профессией выпускника Литературного института является слово. А слово без книги немыслимо.

В своей Нобелевской лекции Бродский говорил о том, что самое страшное преступление против литературы — это не цензура, не сжигание книг, а пренебрежение литературой. Мне кажется, что последние годы мы жили в ситуации пренебрежения литературой — пророчество Бродского странным образом сбылось.

Год литературы — это шанс ситуацию переломить. Возможно, последний...

Фотографии Владимира Суворова, Ульяны Полтинкиной.